

Памяти Г. Р. Державина.

(† 1816 $\frac{8}{VII}$ 1916 г.).

Поэзія Гавріила Романовича Державина какая-то ярко-свѣтная: восходитъ-ли творчество поэта къ предѣламъ религіознымъ, или нисходитъ къ житейской суетѣ—на всѣхъ путяхъ *излученія*. Богъ—свѣтъ и жизнь—„слиянный въ узелъ блескъ денницъ“: все существующее „пѣть свѣтъ съ очесъ Бога“. Солнце, краса *природы*,—символь „священной истины“, „блаженства“, „ветлѣнной доблести“. „Дивлюсь... едва ли ты не Богъ!“ Поэтъ воспѣваетъ полносвѣтные моменты дней и временъ года, и тутъ—рубинные ковры, коралловые терема, рдяные кристаллы, искрометныя ткани, златно-зеленыя моря, вихрепламенные змѣи, яхонты, золото, багрецъ, желтые-синіе глянца и все это „гнѣзда солнечныхъ пучинъ“! Вотъ переливаются облака въ лучезнойной тяготѣ! Вотъ разноцвѣтная ткань—радуга: „съ зеленью тѣнь слиалъ съ серебромъ чудный отливный блещущій глянецъ“. Въ сверкающихъ кудряхъ лѣсовъ „течетъ золото“, въ искрометной водѣ блещутъ рыбы серебристыя и вода въ „бронѣ златорядной“, въ огнѣ сафирномъ, пурпурномъ... „Алмазна сыплется гора... жемчугу бездна и серебра“... Поэта привлекаютъ яркоцвѣтныя птицы; „а темно-зелены въ искрахъ перья съ разсыпною бахромой“, лазурно-сизо-бирюзовыя круги. „Гдѣ ступитъ—радуги играютъ, гдѣ станеть, тамъ лучи вокругъ“. Синички, ласточки, чечетки замѣчаются въ особые моменты, когда и онѣ—скромныя—влекутъ къ свѣту: ласточкѣ въ высоты видна изумрудно-зеленая земля съ золотыми нивами... При описаніи *человѣка* Державинъ обращаетъ вниманіе на цвѣтъ и блескъ глазъ, на все свѣтовое и цвѣтное вплоть до „жилокъ голубыхъ съ

розоватой кровью“. Огнь, солнце, лучистая звѣздочка, душа челоуѣка и все лучшее въ немъ—свѣтозарно. Истина, добродѣтель, краса—„три лучный свѣтъ“; правда, мужество, храбрость — яркія излученія, являющіяся въ видѣніяхъ: это не разсудочныя понятія, а идеи. Ярко-зеленый травной коверъ; темнолиственные клены. „На темно-голубомъ ээирѣ златая плавала луна въ серебряной своей порфирѣ, блистаючи съ высотъ“—такова обстановка видѣній... Является жена „солнечной красы“, съ очей блестяще отливается ээира чистаго лазурна даль, или очи „сафиросвѣтлыє“; на ланитахъ — заря. „Какъ снѣгъ тонища бѣла обвиваетъ ея орѣхокурчаты власы“. Одежда — серебрянной волной; поясъ—златъ, виссонъ черноогненный подобенъ радугѣ. Это — вершины духа. Но свѣтовидны и будничныя полосы жизни: младенчество — капля блестящей росы; юность — ручей, перломъ блестящій на лугу; мужество — рѣка въ полдень; старость — сткляное озеро. Огнемъ неугасимымъ свѣтится любовь и дружба и ярко-пестры всѣ, самыя чувствєнныя, слишкомъ челоуѣческія, утѣхи — наслажденія. Вотъ обѣдъ... „Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ, румяно-желтъ пирогъ; сыръ бѣлый, раки красны; что смоль янтарь—икра и съ голубымъ перомъ тамъ шука пестрая—прекрасны“. Кубокъ сафирный, перлами блестящій; пуншъ въ искрахъ; вина—красно-розовы, черно-тинтово, злато-кипрское... Такимъ образомъ и не-чувствєнное, и чувствєнное, и вершины и низины челоуѣческой жизни свѣтовидны, разноцвѣтны, и поэзія Державина, по преимуществу, поэзія свѣта. Правда, самъ поэтъ называетъ свою лиру тихострунной, но его лира строго говоря, не лира: Державинъ—художникъ, стихія котораго свѣтъ и краски; его лира не тихо и не громко-струнная: Державинъ—поэтъ *блеска*, а не треска. „Державинъ—поэтъ *блеска*“—эта дальнѣйшая кристаллизація нашего тезиса почти очевидна и раньше—можетъ быть провѣрена на анализѣ религіозно-патріотическихъ излученій поэзіи Державина.

Богъ—трилучный свѣтъ, но въ поэзіи Державина Богъ—свѣтъ яркій, сверкающій, свѣтъ ветхозавѣтный, а не „свѣте тихій“, евангельскій. Хотя Богъ „дивенъ и великъ намъ воплощеньемъ Слова“, само Слово описывается Державинимъ чертами грознаго правосуднаго Отца и самое поразительное—яркое во Христѣ соединеніе двухъ естествъ, соединеніе.

напоминающее, по существу, богочеловѣческія отношенія по типу „я—червь, я—Богъ“. Внутренно-близки Державину величественныя стороны поэзіи Псалтири. Богъ — огонь по-ядающій — громомъ и молніей испепеляетъ онъ гордость — мнимое величіе человѣка. Богъ—царь Славы: слава человѣчская, и громкая и тихая, предъ нимъ ничто. Богъ—красота красотъ незримыхъ; все земное — тлѣнь, тина. Человѣкъ — ничто, но онъ существуетъ. „Я есмь, конечно, есть и Ты“. „Ты есть и я ужъ не ничто“. „Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“. Такая послѣдовательность мыслей о человѣкѣ, гдѣ начало — „я есмь“ и конецъ „я—Богъ“, въ связи съ ветхозавѣтнымъ представленіемъ о богочеловѣческихъ отношеніяхъ, приводитъ къ раздвоенію личности; и жизнь становится сверкающими смѣнами противоположаго (я червь, я Богъ). Ничтожество — человѣкъ, сыновне не приобщенный къ божественному—заемному—свѣту, мечется: иногда „сверкнетъ“ мечта: „и сладка мысль и дерзновенна желать съ Творцомъ сляяну быть“; а чаще въ тьмѣ самоутверженія—всюду яростно грозитъ смерть. Временно сильный заемнымъ свѣтомъ, человѣкъ тянется ко всему блестящему, сверкающему, потому что для ока человѣческаго свѣтъ божественный блещетъ, сверкаетъ; отливается; человѣкъ смѣнами, антитезами пытается создать искусственный блескъ, лишь бы не быть во тьмѣ. Отъ естественнаго утомленія блескомъ круженій рождается желаніе ровнаго — умѣреннаго свѣта, которое подводитъ поэта къ надеждѣ: „сіяй надежда, лучъ лія“. „Буду ризъ ея держаться до объятія любви“. Но кроткіе лучи надежды, трепетно-неровные, не похожи на „лучезарно-блестящую искру солнца“, и надежда, случайная приставъ въ поэзіи Державина, переходитъ въ покорность року (я — рабъ) или въ самонадѣянность (я — царь): кроткая надежда—„ожерелье красоты“ становится „дщерью самолюбія“, или „вѣтвью вѣры“. Какъ бы-то ни было, характеръ встрѣчъ и пересѣченій свѣта чистаго и заемнаго, сверкающія колебанія по типу „я червь, я Богъ“, непріятіе надежды подтверждаютъ тезисъ: поэзія Державина — поэзія блеска. Знаменательно, что Державинъ, восторгавшійся Псалтирю, почти не касался тихихъ проблесковъ въ ней сыновняго сознанья, какъ бы предчувствуя, что сыновство въ предѣлѣ расходится съ блескомъ богочеловѣческихъ внѣшнихъ отношеній. Но какъ

понять неслучайныя признанья поэта о своемъ „чисто-сердечьѣ“ („Я любилъ чистосердечье“. „Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ“ и др.)? „Блескъ“, въ силу своего происхожденія, можетъ имѣть двойную значимость, можетъ быть дѣйствительнымъ и мнимымъ. Въ сферѣ религіозной Державину чуждо было искусственное сгущеніе туманныхъ переживаній, чуждъ былъ дурной психологизмъ, культивированный, главнымъ образомъ, сентиментальнымъ романтизмомъ. „Если я блисталъ восторгомъ, съ струнъ моихъ огонь летѣлъ; не собой блисталъ я — Богомъ, внѣ себя я Бога пѣлъ“. Въ этомъ антипсихологистическомъ устремленіи — „чистосердечье“ поэзи Державина. За сферой чисто-религіозной чаще и чаще встрѣчается блескъ искусственный — въ чемъ признается самъ поэтъ: „Если жъ я и суетою самъ былъ оболещенъ... признаюся... красотою, бывъ плѣненнымъ пѣлъ и жень... Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ. Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень, если ты не человекъ“. Сквозь блескъ искусственный можно разглядѣть проблескъ естественный, чистый. И признанія Державина, окрашивая по иному приписываемый поэту чувственный эпикуреизмъ, напоминаютъ слова другого поэта: „Не тебѣ пѣснь любви я пою, а твоей красотѣ ненаглядной“. Проблески чистые особенно примѣтны въ патріотическихъ гимнахъ, давно заподозрѣнныхъ въ нечистосердечьи. Въ историческихъ образахъ воплощается идея царства Божія и идеальнаго царя въ духѣ ветхозавѣтныхъ патріотическихъ псалмовъ, имѣющихъ помимо конкретно-историческаго, и символическое значеніе. Вполнѣ естественно, что поэтъ блеска сталъ поэтомъ *блестящаго* вѣка... но не Екатерины II, а *Фелицы*—Екатерины: то, что часто принималось за лесть, было плодомъ „чистосердечья“, провидѣнемъ идеальнаго царства. „Если звуки посвящались лиры моя царямъ: добродѣтелями казались мнѣ они равны богамъ“. Такъ и въ мгlistомъ туманѣ суеты виднѣется блескъ иного.

Нельзя-ли въ личной жизни поэта Державина найти объясненіе свойствамъ его поэзи? Зимомъ, при взглядѣ на комету, малюга—Державинъ впервые произнесъ слово „Богъ“. Ода „Богъ“ задумана въ Свѣтлую пасхальную ночь и закон-

чена послѣ видѣнья чрезвычайнаго свѣта, блиставшаго въ глазахъ и летавшаго вокругъ стѣнъ. Умершая жена явилась поэту въ бѣломъ облакѣ... Державинъ часто и любовно называлъ себя внукомъ татарскаго мурзы Багрима. Не вспыхивалъ-ли восточный свѣтъ предковъ въ душѣ внука посредственно, по какимъ-то запутаннымъ тропамъ наследственности? Любовь поэта къ свѣту, блеску, блестящему, въ связи съ восточными — идейными мотивами, не осмысливается ли словами: „съ Востока—свѣтъ“?

С. Голованенко.
